

Шэнь Тинлань встал, обошел обеденный стол и открыл холодильник. Он достал оттуда два ломтика ветчины, кусочек сыра и щепотку мелко нарезанного зеленого лука — все его движения были быстрыми, четкими и уверенными. Он положил это перед Бай Ци.

— Бросай в воду.

— Но лапша уже сварилась...

— Бросай.

Тон Шэнь Тинлани не допускал возражений.

Бай Ци опустил в кастрюлю ветчину, сыр и зеленый лук, помешав их палочками. Сыр медленно плавился в горячем бульоне, превращаясь в молочно-белые нити, которые оплетали лапшу. Жир из ветчины вытопился, покрыв поверхность супа легким золотистым блеском. Ярко-зеленый лук ошпарило кипятком, и по комнате тут же разнесся аппетитный аромат.

Внешний вид всего блюда претерпел качественный скачок.

Бай Ци опустил взгляд на кастрюлю, и у него неожиданно защемило в носу. И дело было вовсе не в тарелке лапши — просто нахлынули воспоминания этого тела. Прежний хозяин так долго жил на этой вилле, но еще никогда никто не говорил ему, когда он был голоден: Еда в холодильнике общая. И уж тем более никто посреди ночи не докидывал ему в кастрюлю ломтик ветчины.

— Чего застыл? — Шэнь Тинлань снова сел напротив. — Ешь.

Бай Ци послушно опустил голову и сделал первый глоток.

Солено, ароматно, горячо.

В тот самый момент, когда лапша скользнула по горлу и упала в желудок, Бай Ци почувствовал, что заново ожил.

— ...Вкусно. — На этот раз сущая правда.

Шэнь Тинлань ничего не ответил, лишь откинулся на спинку стула и наблюдал, как тот ест. На кухне воцарилась тишина, нарушаемая лишь легким стуком палочек о края кастрюли.

Сделав несколько вдохов и глотков, Бай Ци поднял голову и заметил, что Шэнь Тинлань все еще смотрит на него. Взгляд нельзя было назвать холодным, скорее, он напоминал изучение

чего-то не совсем логичного.

— Разве ты не пойдешь спать? — спросил Бай Ци.

— Ты меня разбудил, — отозвался Шэнь Тинлань. — Теперь уже не усну.

Бай Ци показалось, что в этих словах скрывается множество смыслов, но он решил не вдаваться в подробности.

— Будешь? — он робко подвинул кастрюлю ближе к центру.

В нем проснулся кроличий инстинкт: делиться едой — самое базовое проявление доброжелательности.

Шэнь Тинлань бросил взгляд на кастрюлю. Бай Ци уже съел половину лапши, яйцо было разбито, и желток смешался с расплавленным сыром. Теперь кастрюля выглядела так, будто в ней только что бушевало стихийное бедствие местного масштаба.

— Я же ел своими палочками... — сообразив, Бай Ци тут же поспешно отдернул руку.

Шэнь Тинлань поднялся, взял из подставки для палочек новую пару, подцепил порцию лапши и попробовал.

Бай Ци ошеломленно уставился на него.

Шэнь Тинлань с бесстрастным лицом пару раз жувнул и проглотил.

— Так себе.

— Тогда не ешь. — Бай Ци потянул кастрюлю обратно к себе.

Шэнь Тинлань подцепил палочками еще порцию.

Бай Ци: «...»

Бай Ци вперил взгляд в собственную кастрюлю: лапша в ней таяла на глазах, сыр Шэнь Тинлань утащил добрую половину за один заход, прихватив заодно и ломтики ветчины. Парень инстинктивно дернул кастрюлю еще на пару дюймов в свою сторону, слабо обхватив ее края обеими руками, точно кролик, защищающий свою еду и лапами окруживший любимую морковку.

Шэнь Тинлань, заметив этот жест, занес палочки в полуметре от кастрюли.

— ...Чего ты ее прячешь?

— Ты уже два раза залез, — тихо пробормотал Бай Ци.

— И что с того?

— Это моя лапша.

— Ты сам только что спрашивал, буду ли я.

Бай Ци приоткрыл рот, вспомнив, что действительно предлагал. Он опустил глаза на скудные остатки лапши в кастрюле, затем снова поднял их на занесенные в боевой готовности палочки Шэнь Тинланя. На его лице отразилась сложная гамма чувств, в которой вежливость вела ожесточенную войну с голодом.

Шэнь Тинлань молча наблюдал за этой борьбой.

— Такая забота о пропитании.

Бай Ци не стал возражать, но руки с краев кастрюли убирать не стал.

Шэнь Тинлань ловко повернул палочки и утащил из кастрюли еще порцию.

Бай Ци:

— Ты же сказал — так себе.

— Ну да, так себе. — Шэнь Тинлань отправил лапшу в рот и пожевал. — Но всяко лучше, чем твоя вареная на пустой воде.

Бай Ци бросил взгляд на жалкие остатки из пары травянок лапши и половины яйца всмятку, после чего благоразумно закрыл рот и замолчал. Он сжал палочки покрепче, уткнулся носом в кастрюлю и принялся уплетать еду за обе щеки. Движения его были резкими, быстрыми и отрывистыми: палочки так и мелькали между кастрюлей и ртом, щеки раздулись, словно он боялся, что Шэнь Тинлань в любой момент передумает и отберет остатки.

Палочки в руке Шэнь Тинланя так и застыли на весу, пока он молча смотрел, как этот ураган подчищает дно посуды.

— ...Ешь медленнее.

Бай Ци проигнорировал замечание, целиком запихнув в рот последнюю половинку яйца всмятку. Он тщательно прожевал, надув щеки, и лишь затем проглотил. Опустив взгляд на пустую кастрюлю и убедившись, что в ней не осталось ни единой ниточки, он наконец отложил палочки.

— Ты боялся, что я у тебя отниму, или что лапша сама убежит?

Бай Ци поджал губы и ничего не ответил. Лишь подвинул кастрюлю ближе к середине стола — раз она пустая, то теперь все равно. В этом движении читалось немое: «Все съедено, любуйся».

— Я закончил. — Голос после еды звучал все еще немного невнятно и мягко.

Шэнь Тинлань посмотрел на пустую кастрюлю, а затем на капельки бульона в уголке рта Бай Ци.

— Вижу.

Окинув его ровным взглядом, он откинулся на спинку стула:

— В следующий раз не обязательно уплетать всё с такой скоростью. Никто у тебя не отбирает.

Взгляд Бай Ци непроизвольно опустился на палочки в чужой руке.

Шэнь Тинлань проследил за его глазами, заметил, что сам всё еще держит их на весу, так и не опустив, и на мгновение замер.

— ...Только что не считается.

— Бай-Бай, — голос Сяо Ци наконец сорвался, — он говорит «никто у тебя не отбирает», а сам до сих пор палочки в руках держит.

— Я видел, — мысленно отозвался Бай Ци.

— Он только что три раза залез в твою кастрюлю.

— ...Я знаю.

Шэнь Тинлань поднялся на ноги.

— Помой посуду, протри плиту и вытри воду на полу, — непринужденным тоном распорядился он. — Ноги помой, прежде чем идти наверх, и надень тапочки из прихожей. Чтобы завтра я не увидел на полу следов. Как закончишь — иди спать в свою комнату. Больше сюда не спускайся, уяснил?

— Уяснил.

— Да, и еще. Еда в холодильнике общая. В следующий раз не кради одни только яйца, выглядишь как воришка. Если ты не ешь, продукты портятся, и их всё равно приходится выбрасывать.

Шэнь Тинлань повернулся и направился к выходу, но на полпути замер и добавил с легкой усмешкой в голосе:

— По крайней мере, кастрюлю ты не перевернул.

Дверь за ним закрылась.

На кухне снова стало тихо. Бай Ци уселся на высокий стул и опустил взгляд на собственные руки, всё еще сжимавшие края кастрюли.

— Бай-Бай, ты так серьезно защищал свою еду.

Бай Ци промолчал.

— Он ведь залез целых три раза.

— ...Разве ты не просил меня замолчать? — обиженно добавил Сяо Ци.

Бай Ци встал, босиком подошел к раковине и взял кастрюлю, собираясь мыть. Сделав пару движений губкой, он замер.

— В следующий раз сварю два пакета.

— Бай-Бай, — серьезно произнес Сяо Ци, — мне кажется, в следующий раз он снова будет отнимать.

Бай Ци поймал себя на мышлите, что это почему-то совсем его не раздражает.

Перевернув вымытую кастрюлю на решетку для сушки, Бай Ци тряпкой протер плиту, а затем на корточках собрал лужицы с пола. Покончив со всеми делами, он направился к прихожей.

Здесь располагалась просторная гардеробная. Скользя по ней взглядом, Бай Ци увидел тянувшиеся до самого потолка шкафы из темного ореха, на каждой дверце которых красовались латунные таблички с именами: Цзи Хуайчжоу, Лу Циюань, Шэнь Тинлань и Бай Ци.

Бай Ци потянул за ручку своего обувного шкафчика снизу. Внутри обнаружилось лишь несколько пар старой обуви и домашних тапочек. Переобувшись, он погасил свет и поднялся вверх.

Отыскав в темноте свою комнату, Бай Ци толкнул дверь и буквально рухнул на кровать.

— Сяо Ци.

— На связи!

— Разбуди меня завтра пораньше.

— Во сколько?

В голове Бай Ци уже выстраивался план: те две туфли все еще валялись под окном Шэнь Тинланя — одна застряла в кустах, другая заклинила в узком промежутке между водосточной трубой и стеной.

Пока не рассвело, пока те трое еще не проснулись, прокрасться в темноте вниз и забрать обувь. Нельзя допустить, чтобы Шэнь Тинлань это обнаружил, иначе с его языком он будет припоминать эту историю до самого конца семестра.

— До рассвета, — произнес Бай Ци. — Пока они не проснулись.

— Понял, секретная операция, — понизив голос, отозвался Сяо Ци с долей сообщнического восторга. — Проникновение на место преступления, эвакуация ключевых улики.

— ...Это просто поиск обуви.

— Кодовое название операции — Сбор обуви. Начинаем обратный отсчет.

Бай Ци не стал отвечать, плотнее закутался в одеяло и провалился в глубокий сон.

Лунный свет за окном пробивался сквозь щель в шторах, вычерчивая на полу тонкую серебряную нить. Легкий ветерок рябил гладь искусственного озера вдалеке, разбивая лунное отражение на тысячи осколков.

<http://bllate.org/book/19484/1909952>